

вернуть нам, как рая...

ий «асык» украинской музыки

вах ОЛГ мы представили творчество известного украинского поэта Дзюбы и сообщили, что он был избран президентом Международной академии литературы и искусства Украины. Известие о том, что Татьяна и Сергей Дзюба раду в Казахстане. Супруги стали лауреатами Международной премии «Золотой Асык» за совместные поэтические сборники: «Избранные стихотворения» (США, Нью-Йорк), «Женщины» (Польша, Люблин) и «Последнее кочевье» (Украина, Львов).

ым обычаям, «асык» — это символ счастья, удачи и благополучия. Вручение состоялось в столице Казахстана, в честь юбилея популярного журнала «Тамыр», созданный ассоциацией «Золотой век» (учредителем награды является Сергей Дзюба) получили Бахыт Кенжеев (США), Алексей Дзюба (Санкт-Петербург), Ауэзхан Кодар (Казахстан). Лауреатов награды жюри, в состав которого вошли известные писатели: Казахстана, Украины, Словении, России, Канады, Литвы, Армении, Узбекистана и Беларуси. Председателем жюри из Чернигова готовятся к печати во Львове, сборник стихов Татьяны и Сергея уже вышел на украинском языке известный поэт Димитр Христов. А мы публикуем несколько стихотворений Татьяны Дзюбы. Татьяна Дзюба — член Украинского союза писателей Украины, Международной академии «Македония Презент», Международной академии «Удмуртия», лауреат Малой Нобелевской премии имени Л.Нобеля «Будон» (Удмуртия), «Золотой Асык» и других литературных наград.

Я в своей мастерской, —
нет, в отобранной комнате сына...
Здесь вдоль стен не стоят —
ни диван, ни с одежкой стул,
ни компьютерный стол,
ни спортивный снаряд —
лишь картины
с вечной ношей своей...
И доносится с улицы гул,

звонкой нитью вдеваясь
в игольное ушко мгновенья.
В окруженьи картин
я одна, как в сакральном плену...
И дышу среди волн,
порождённых лучом вдохновенья,
ощущая судьбы парадокс
сквозь её плену...

Спят уже птицы, их песни в зобах...
Вышито зелье из месяца фляги...
Строчки набухшей печать на губах,
выдохнешь —
станет подобна бродяге,
эхом безродным забившись в дупло,
мелким дождём повисая на сучьях...

в суть и лица,
а
: человеком.
дний —
третий
ых миров...
топортретах,
ертвцов.
ий лица лак —
траж —
неволюю...
пустяк!
гынть истории.
ил до дня
о фрагмента.
о, всё равно,
стерня
орджименто.
уки,
птекает.

Не зови, не скули от тоски, —
Не вернуть, не старайся — растает.
Синих львов её нам не понять,
Хрустала — у быков на копытах...
И морозом вся скована статья,
Да седой поволокой повита.
Рождество — всё в пространстве
небес
И в сокровити наших желаний.
Родился новый год иль воскрес? —
Как твой май, неожиданно ранний.
Мне снежинки ласкают плечо.
Подрастает термометр, как туя:
Время ртутью упрямой течёт
Безвозвратно вперёд и вслепую.
Замирает на взмахе рука,
Как лубок тот старинный —
с Мамаем.
Силуэты, снега и тоска...
А зимы не вернуть нам, как рая.

Ульяна ШЕРЕМЕТЬЕВА

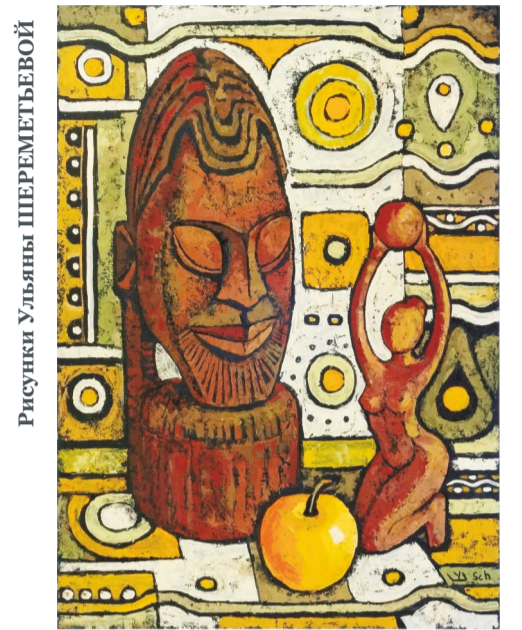
Родилась на Украине, детские годы провела в Мариуполе. Училась в знаменитой Ленинградской художественной школе им.Б.Иогансона, окончила Московскую государственную художественно-промышленную академию им. С.Г. Строганова. Затем уехала в Германию. Много лет живёт и работает в Потсдаме. Автор нескольких поэтических сборников, победитель ряда международных поэтических турниров в Германии и России, обладатель титула «Королева поэтов». Состоит в творческих союзах России и Германии. Награждена международной медалью «За солнечную деятельность».

В жёлтом небе — цветастые птицы

Может, так лучше — забыв про тепло,
выть на луну, тычась мордочью сучьей
в ночь, темноту ощущая хребтом
и неприкаянность. А покоянье
будет оправдано только потом
весом строки, вот и всё оправданье.
Тиканьем звёзд обозначена тишь,
суть её спрятана в древние руны...
Строчку опять про себя повторишь,
словно гудящие таинства струны.
Вето снимая с набухшей строки,
терпкость её ты доверишь тетради.
В мире брутальном, где жить —
не с руки,
строчки рождаются истины ради...

Странник, путник ли, прохожий,
проходимец, пешеход...
Разно всё и всё же — схоже,
в каждом слове — корень-код.
Что занесено в тетрадку,
Книгу Бытия, блокнот —
оттиски ли, отпечатки
пальцев, писем, формул, нот,
наши ль помыслы, желанья,
груз поступков или блажь,
притяжение дерзання,
притязанья эпатаж?
Что удержит в ходе разных
передраг, перипетий
от предательства, от соблазнов
от падений на пути,
где всё связано и слито,
сложно, смешано, смешно,
опрометчиво, сердито
и абсурдно, и грешно...

Стекает краска по холсту,
спекаясь корочкой крапачной.
Пылает алый за версту,
пусть воспалённо, но не алчно.
Страстей моих водоворот
впечатан выплеском эмоций.
Картина — исповедь, не врёт, —
вот плавится на красном стронций.
Пожухлой зелени копка —
знак увядающей надежды.
Навряд ли каждому видна
метафора сия, где между

Рисунки Ульяны ШЕРЕМЕТЬЕВОЙ

оставших веток есть слова.
А, впрочем, что мне суд невежды...
Не спросит с сердца голова,
сорвавшего с себя одежды.
Тональность держит венский стул,
что белым кажется скелетом...
На нём сидевший гость рискнул
всерьёз назвать меня поэтом.

Предчувствие зимы слегка горчит и ранит.
Предчувствие зимы —
печаль в оконной раме,
где зябнут деревья в отрешьях и без оных,
где тучи тяжелы, похожи на бизонов.
И воробьиный гвалт почти уже не слышен,
и морось улеглась на трассы и на крыши.

Предчувствие зимы с депрессией похожи:
и взгляд без огонька,
и слога стынть под кожей.
И тёмных красок вид — унынье колорита,
затягивая в сплин — берёт в свою орбиту...
Но в ожиданье том, и тягостном, и грустном,
вдруг хочется зимы шальной,
со снежным хрустом!

й России, лингвист, разработчик программы
директор школы «Разум-Л». Стихи начала писать

ейбус прошлого

казать Раньше медь бросали
прямо в автоматы;
С поворотом ручки вылезал билет.
рот, Мы ныряли «зайцем»,
ушлые ребята.
— восход... Кто-то брал билеты.
ла. Мы, конечно, нет...
Путаюсь неловко
в новом турникете,
и неловкий, Подойти бы молча к заднему окну
И сложить, как раньше,
цифры на билете —
в середине дня, Может быть, на счастье,
те остановки, время обману?
мо на меня!
Дорогая память.
наю пробки, Горькое наследство.
Не спеши, водитель,
кой маршрут. улыбайтесь мне:
Старенький троллейбус
зий и робкий, уезжает в детство.
Я сажусь в машину.
на пять минут Мне в другой конец

Доев ломоть последний хлеба
И плоть свою вернув земле,
Я всё же дотянусь до неба,
Повиснув на одном крыле.

И знаю, это может стать:
Всегда тоскуя о былом,
Я в землю буду упираться
Другим — опущенным —
крылом.

Мне не стоять
перед божницей,
От музыки небес не млесть,
Я буду век распятой птицей —
И не упасть, и не взлететь.

Тишины бы в округе, такой,
Чтобы слышать на ветке сороку,
Как врезается лодка в осоку,
Возвращаясь на берег лодкой.

Светлана СУПРУНОВА

Член Союза писателей России, автор четырёх поэтических сборников. Родилась во Львове. Окончила Литинститут им. М.Горького, работала литературным редактором в издательстве «Янтарный сказ». Возглавляет редакцию научного журнала Калининградского государственного технического университета. Печаталась во многих отечественных и зарубежных изданиях, лауреат литературных конкурсов.

Полосы белые, полосы чёрные

Чтобы слышать за вёрсты пургу,
Как в полях оседают туманы,
Как швыряет листву на поляны
Этот ветер, влетевший в тайгу.

Слышать всё бы, до дальних морей,
Не проникшись ни счастьем,
ни горем,
Слышать даже, как где-то за морем
По тропинке бежит муравей.

Тишины бы, до самой луны,
Я на небо глаза поднимаю,
Но, проснувшись, опять понимаю:
Не бывает такой тишины.

Всюду, и в холод, и в зной,
В белом платочке, убогая,
Всё семеняла за мной,
Словом обильным не трогая

Мне бы на берег другой,
Села я в лодку забытую.
Слышу её: «Я с тобой»,
Слышу тоску неприкрытую.

Землю промыли дожди
И завалило сугробами.
«Буду теперь впереди», —
И повела меня тропами.

Шли среди болота и ржи,
Сколько исхожено, пройдено!
«Кто ты, бабуся, скажи». —
«Родина, девонька, родина».

Стольких пришлось потерять
В эту шальную погоду.
«Буду ль кого вспоминать?» —
«Родину, девонька, родину».

Только и дел: дорожить
Тропкой последней, не пройденной.
«Чем до скончания жить?» —
«Ролиной девонька долиной»